

ЯЗЫКОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

При всей злободневности темы, в обсуждении которой участвуют как специалисты-филологи, так и неспециалисты (так называемая широкая общественность), дискуссия ведется в условиях терминологической неупорядоченности и неясности. Используются термины "языковая культура" / "культура языка", "культура речи" / "речевая культура" (при этом у специалиста возникает ассоциация с соссюрдовской дихотомией "язык-речь"), "языковая критика", "культура слова".

В отечественном языкознании существует тенденция разграничивать понятия "культура языка" и "культура речи". В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" под ред. В.Н.Ярцевой это различие сформулировано следующим образом:

понятие "культура языка" используется, когда имеются в виду свойства образцовых текстов, закрепленных в памятниках письменности, а также выразительные и смысловые возможности языковой системы": под культурой же речи понимается "конкретная реализация языковых свойств и возможностей в условиях повседневного и массового - устного и письменного — общения" (16, с. 247). Отмечается, однако, что такое терминологическое разграничение пока не стало общепринятым в нашем языкознании. В.П.Григорьев уточняет, что между культурой языка и культурой речи есть связующее звено — культура идиолекта и идиостиля (3, с. 43)

В зарубежном языкознании, в частности в немецком, термины "культура языка" и "культура речи" сначала употреблялись как синонимы, а затем понятие культуры языка (Sprachkult) поглотило понятие "культура речи" (Sprachpflege), что констатирует Р Шнерпер

(46, с. 14). Она отмечает также, что становление коммуникативно-прагматической парадигмы в языкознании 70-х годов привело к тому, что культура языка стала трактоваться как составная часть культуры вообще (см. Исследования Г.Лерхнера (40; 41), Г.Михеля (42; 43), У.Фикс (34; 35) и, следовательно, не должна была ограничиваться педантичной корректировкой отдельных грамматических, стилистических и смысловых ошибок, т.е. сводиться к нормативизму (см. также З. С. 41). Современная теория культуры языка обязана также многим коммуникативно-ориентированной стилистике, основывающейся на положениях теории речевой деятельности.

В настоящем обзоре используется термин "языковая культура", обозначающий широкий спектр явлений, относящихся как к языковой системе, так и к ее функционированию в речи, а также к социокультурно мотивированным характеристикам речевого поведения.

Заинтересованность общественности в проблемах языковой культуры — это явление, в большей или меньшей степени свойственное любому обществу. Не случайно Г.А.Хабургаев, отвечая на вопросы анкеты "О состоянии русского языка современности" (составитель - Ю.Н. Караулов), отметил, что общество недовольно своим языком со времен появления цивилизации (9, с. 58).

Эта заинтересованность заметно усиливается, если в обществе происходят значительные изменения социального, экономического и политического характера, сопровождающиеся значительным увеличением объема и плотности информации, быстрым развитием средств массовой информации. Все эти обстоятельства существенно изменяют самую среду существования языка, что подчеркивает С.В.Неверов в своей монографии "Общественно-языковая практика современной Японии" (21). Общественность очень эмоционально реагирует как на запланированное вмешательство в язык, так и на спонтанные его изменения. О первом типе реакции свидетельствует, например, активное неприятие русскоязычным населением измененных географических названий типа "Алматы", "Кыргызстан". Это было воспринято как "насилие над русским языком, вмешательство в его суверенную системную структуру", констатирует В.Н.Ганичев, главный редактор "Роман-газеты" (цит. по: 2, с. 39). Восстановить прежние названия помогло вмешательство ученых — сотрудников Института русского языка РАН.

Бурная дискуссия прошла и в Германии в связи с предстоящей реформой немецкой орфографии. Это еще раз показало, что планируемые изменения в языке воспринимаются, в первую очередь, как покушения на сложившиеся в обществе языковые привычки и культурные традиции (подробнее о реформе немецкой орфографии см. 31, 33, с. 67). Когда же на себя обращают внимание спонтанные изменения в языке, то в обществе обостряются споры о языковой культуре. Эти проблемы были даже предметом обсуждения на Соборной встрече в Москве 13 мая 1994 г., когда Митрополит Смоленский и Калининградский владыка Кирилл, подчеркнув, что русский язык - это не только могучее и прекрасное национальное достояние, но и язык великой христианской культуры и литературы, с огорчением указал на "невероятное оскудение литературных форм, засорение их матом и блатными словечками" (цит. по: 2, с. 40).

На одну интересную особенность дискуссий о языковой культуре указывает Л.Н.Мурзин: недовольство состоянием языка высказывается в тот период, когда "рушится прежняя идеология и язык стремительно обогащается лексически, фразеологически и даже просодически" (см. по: 9. С. 53). В годы господства тоталитарной идеологии это недовольство открыто проявляется в гораздо меньшей степени: если оно и высказывалось, то в основном по поводу засилья канцеляризма. Л.Н.Мурзин делает вывод, что "гораздо больший протест у носителей языка вызывают новации разного рода, чем их отсутствие: с бедностью языка люди, как это ни парадоксально, мирятся охотнее, чем с его обогащением (там же). Эти наблюдения, сделанные на материале русского языка, подтверждаются данными национальных языков тех стран, которые переживают процесс обновления после падения тоталитарного режима (ср. 22, с. 19; 48).

Происходящее в сфере русского языка Л.Н.Мурзин называет обогащением языка, видимо, имея в виду изменения в речевой практике. Между тем большинство участников публичных дискуссий о культуре языка обращает прежде всего внимание на возросшее количество бранных и вульгарных слов и грамматических ошибок в речи, которые они, конечно, не могут считать желанными приобретениями для русского языка. Другие же параллельно протекающие процессы (развитие стилистической и семантической дифференциации языковых средств, принципа диалогизации публичной речи и т.д.) ускользают от их внимания. А специалисты, к сожалению, редко участвуют в подобных спорах, что с прискорбием

констатирует В.Г.Костомаров во введении к своей книге "Мой гений, мой язык: Размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке" (11, с. 3). Поэтому "нынешние ярые споры вокруг языков напоминают причудливую взрывоопасную смесь действительных проблем с мнимыми, реальностей с утопиями, научных представлений с политической схоластикой, надуманными стереотипами и бытовыми суевериями" (там же).

Поэтому правы те, кто более спокойно оценивает современный язык и предлагает внимательно разобраться в том, что в нем появляется нового и необычного, считают авторы коллективной монографии "Русский язык конца XX столетия (1985-1995)" (22).

Основную обеспокоенность общественности вызывает язык средств массовой информации (СМИ), язык художественной литературы и публичная речь. "Они звучат в нашем доме постоянно и говорят, говорят... Наш дом переполнен этой речью - русской, конечно, но настолько разной, порой настолько непохожей на нашу собственную, что можно стать в тупик: как же к этому отнестись? Нередко возникает несогласие, протест, даже возмущение: это же неправильно, просто некультурно... Слишком часто наш слух царапают всякого рода ошибки.

И в обществе возникает отпор такой речи, растет ее неприятие... Смысл всех протестов сводится к одному: мы хотим правильной речи, элементарной грамотности", - пишет О.А.Лаптева (15, с. 55: см. также 10, с. 69).

Поскольку роль СМИ в развитии лингвокультурных процессов чрезвычайно велика, то в некоторых странах, например в ФРГ, учреждена специальная Премия СМИ в области культуры языка (Medienpreis für Sprachkultur), которая присуждается органам прессы за публикацию материалов, удовлетворяющих высоким коммуникативно-прагматическим требованиям (об ответственности СМИ за состояние языка пишет, например, Й.Дюкерт (33). Любопытно, что в России имеется "антипремия" СМИ - "Золотой язык", присуждаемая политическим деятелям, наиболее часто допускающим в публичной речи высказывания, некорректные как в прагматистическом, так и в смысловом и грамматическом планах.

Публичная речь привлекает к себе повышенное внимание членов русскоязычного общества прежде всего потому, что после 1985 г. в России резко изменился сам характер публичной коммуникации, т.е. изменился и расширился состав лиц, говорящих

публично. Как подчеркивает Ю.Н.Караулов, "до эпохи гласности мы в основном вели тихие диалоги, а речи с трибун звучали ритуально, как громкая читка письменного текста" (8, с. 15). При этом официальное общение с присущими ему ограничениями непомерно расширяло свою зону и "угрожало поглотить всю область применения литературной речи. В опасности оказалось стилевое богатство русской речи, сокращались проявления в речи личностного начала", указывает В.Е.Гольдин (см. по: 9, с. 42; ср. также аналогичные наблюдения К.Э.Зоммерфельдта, проведенные на материале немецкого языка в бывшей ГДР, 47, с. 23). Эта тенденция к максимальной сглаженности личностного начала, к расплывчатости позволяла полиамбивалентно интерпретировать сказанное (12, с. 234). Ю.Д.Апресян также констатирует, что коммуникативная сфера в эпоху тоталитаризма была деформирована в сторону чрезмерного расширения официального общения (9, с. 20): оно требовало прежде всего демонстрации лояльности, "повышало ценность уродливых и бессмысленных образований, лишь бы они служили символом "правоверности", и вело к функциональному оскудению речи" (См. по: 9, С. 21). Как отмечает В.Г.Костомаров, "главной чертой русского языка, достойной заботы, признавалась "лишь идеолого-политическая однородность, неискаженность единственно верных лозунгов и формул" (11, с. 51).

Эта ненормальность нашей речи ощущалась не только отдельными людьми — она ощущалась всем обществом, и как реакция на эту ненормальность появилось огромное количество сленгов, сформировавшихся в зоне разговорной речи, в которой ярко проявляется именно личностное начало. "Если когда-нибудь будет написана история разговорной речи в России, то окажется, что такого количества сленгов, какое появилось при советской власти, русская история прежде никогда не знала... История советского сленга, начавшись яростной языковой экспансией... повторяет историю страны", - считают А.Мазурова и Л.Радзиховский (18, с. 69). Особенно отчетливо экспансия официальной речи ощущалась в так называемые "брежневские времена", когда "зажатая энергия социального действия ушла в слова, а вся энергия прямого, честного слова переплавилась в языковое ерничество" (там же).

Новая же парадигма общества и личности позволяет более активно проявляться индивидуальности во всех аспектах, в том числе и в языковом, поскольку ставит во главу угла тезис о том, что не все в

человеке социально детерминировано: важными признаются случайность, судьба, духовность и т.д., пишет В.Г.Костомаров в книге "Языковой вкус эпохи" (12, с. 49). Смена парадигмы позволила осознать, насколько велико было раньше давление политической системы на речь, причем это изменение в языковом сознании показательно не только для России, что подтверждают, например, наблюдения О.Ланга (38), а также выступления участников конференции "Языковая ситуация и языковая культура: сравнительный анализ по состоянию в различных странах" (Берлин-Рансдорф, 21-13 октября 1993 г.) (48).

Сегодняшние изменения в русском языковом сознании отражают ситуацию, в известной мере повторяющую ситуацию 20-х годов с ее стремлением преобразовать не только общественный строй и экономическое устройство, но и культуру, и литературный канон (12, с. 5; 19. С. 142). Тогда и теперь выступали против неумеренных заимствований. Тогда и теперь вспоминали и вспоминают о деградации языка и наступлении так называемой "уголовной фени". Ставится вопрос о "приличии", "пристойности" в связи с происходившим и происходящим сейчас резким стилистическим снижением и огрублением русской речи... Мнения могут быть различными, но, как справедливо отмечает Н.И.Толстой, рассудил всех суд истории русской литературы: "Вошло в язык лишь относительно немного, что было необходимым, могло оказаться устойчивым и целесообразным со стилистической и чисто коммуникативной точки зрения" (цит. по: 2, с. 41).

В целом литературно-языковая норма становится сегодня менее определенной и обязательной. Литературный стандарт становится менее стандартным, отмечает В.Г.Костомаров (12, с. 5), т.е. в языке, как и во всем, изменилась норма дозволенности (там же, с. 69).

Возникает вопрос: почему это происходит? Отвечая на него, В.Г.Костомаров вводит понятия языкового вкуса как категории речевой культуры и его крайнего воплощения - языковой моды (там же, с. 21): "Под вкусом можно понимать систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека или общественной группы в отношении языка и речи на этом языке... вкус всегда имеет конкретно-социальную и конкретно-историческую основу, появляясь индивидуально, вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории...".

Важнейшим условием вкуса В.Г.Костомаров считает социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка чувство, т.е. чутье языка, являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, усвоения знаний языка и знаний о языке, бессознательной, как правило, оценки тенденций его развития. Языковое чутье лежит в основе принятия и непринятия этих тенденций.

Следующий вопрос, на который необходимо дать ответ, чтобы разобраться в языковых особенностях ситуации в современной России, это вопрос о том, под чьим влиянием формируется современный языковой вкус. С сожалением приходится констатировать, что типичные черты русского языка складываются "отнюдь не только из-за низкой грамотности и неряшливости, но в силу именно осознанной установки, желания следовать определенным вкусам, задаваемым влиятельной частью общества, в целом достаточно образованной и весьма неплохо знающей, но сознательно деформирующей нормы и стилевые закономерности литературно-языкового стандарта" (там же, с. 220). Причину такого вольного обращения с языковыми нормами В.Г.Костомаров видит не только и не столько в смене парадигмы общества и личности, сколько в так называемом "вирусе распада империи", который был порожден в бывшем СССР "то ли идеолого-политическим противостоянием тоталитарному единомыслию, то ли нежизнеспособностью идеи национально разнородного и культурно многообразного единого государства, имперски руководимого из центра, то ли общечеловеческим стремлением в XX веке к мелким странам, но не обособленным и разрозненным, как в "доимперскую" эпоху, а мирно уживающимся и активно сотрудничающим в едином экономико-технологическом пространстве, несмотря на культурную самостоятельность и различия в политическом строе (там же, с. 28).

Этот "вирус разрушения" дает сегодня себя знать во всем — в отношении к власти, дисциплине и порядку, к гражданскому спокойствию, к повседневному поведению, подчеркивает В.Г.Костомаров, к языку как таковому.

Изменение привычных языковых норм часто вызывает протест и у членов языкового коллектива, так как противоречит ожидаемому ими речевому поведению (50, с. 11), и у общественных институтов, так как последние видят в нарушении стандартов речевого поведения покушение на их власть. Именно реакция общества на нарушение

норм свидетельствует о степени их обязательности для данного социума, пишет Х.Вайнрих в книге "Пути языковой культуры" (50, с. 12). Ведь нарушения социальных норм, а к ним относятся и языковые нормы, предполагает применение определенных санкций. В принципе можно говорить о позитивных санкциях (поощрениях) и негативных санкциях (штрафах). Однако позитивные санкции редко используются на практике, так как поощрение автоматически выражается в стабильности системы. Если же поощрение за "нормативно-попослушное поведение" имеет место, то это скорее является признаком непрочности данной нормы (там же).

Соблюдение строгого стилистического канона при освещении в СМИ определенных тем и особенно создании образа официальных лиц государства было незыблемым правилом речевого поведения в советской прессе, т.е. как авторы публикаций, так и их читатели хорошо знали, о чем/ком как следует писать/говорить. В книге "Русский язык конца XX столетия (1985-1995)" приводятся воспоминания журналиста о времени начала перестройки:

"Переступить порог парадности... было чрезвычайно трудно. Как-то я попытался взять интервью у одной передовой доярки, старался ее разговорить, рассмешить даже, но она сыпала в микрофон готовыми блоками: "вместе со всем народом... по зову... к великим свершениям... неуклонно повышая удоиность...". Меня это не устраивало, и когда я сбил ее окончательно, она, побагровев, потребовала: "А ну, покажь удостоверение! Ты самозванец нахальный, не корреспондент. Как надо говорить, я и без тебя знаю. Меня уж сто раз по радио давали" (22, с. 427).

Особенно жесткие требования предъявлялись к созданию образа руководителей государства, при этом исключался всякий намек на юмор и смех. Поэтому последовала резко отрицательная реакция официальных властей на телевизионную передачу НТВ "Куклы": власть в лице генерального прокурора была готова начать (заведомо обреченный на провал) уголовный процесс против автора и режиссера этой передачи В.Шендеровича. Это вызвало бурную реакцию общественности, поскольку сатирическая передача "Куклы" завоевала к тому времени огромную популярность, и не в последнюю очередь благодаря своему языку. Со всей очевидностью выяснилось, что сегодня политический юмор в СМИ явно желателен. Это подтверждают также данные опроса фонда "Общественное мнение". На вопрос: "Считаете ли Вы, что СМИ имеют право на сатирическое

изображение руководства России?" - ответили "да" - 69%, "нет" - 13%, "затрудняюсь ответить" - 18% респондентов (были опрошены 669 москвичей по случайной вероятностной выборке по месту жительства). Эти данные приводит А.В.Дмитриев в своей книге "Социология юмора" (4, с. 97). Отметим также высокую популярность и следующей сатирической программы В.Шендеровича "Итого".

Итак, в СМИ профессиональные политики перестали быть воплощением серьезности и нередко оказываются в центре юмористических и сатирических передач. А.В.Дмитриев считает, что "это направлено в общем не столько на формирование определенного негативного мнения или подрыв авторитета того или иного политика (хотя и это случается), сколько на отражение социальных изменений, происходящих в самом обществе. Как итог развивается легитимизация самых разнообразных и, следовательно, демократических форм восприятия политиков населением" (там же).

Изменения в восприятии статуса официальных лиц выражается в отношении к прежнему официальному советскому языку, к "новоязу"¹, а именно - в его абсолютном неприятии, с одной стороны, и в усилившемся интересе к нему - с другой.

Первое выражается в частном пародировании новояза и использовании его рефлексов (особенно из сферы фразеологии, расхожих формул, лозунгов, призывов, цитат) в ироническом ключе ("Она мне человек чужой. Я это называю: два мира, две системы". "Телевизор как зеркало русской революции", "Кто реализует планов громадьё?") в широком распространении стеба, который стал в 90-е годы еще более популярным, чем в 70-80-е годы, когда он был языком общения в интеллигентской и молодежной среде. Это была своеобразная культурная самооборона (5, с. 24).

О значительном общественном интересе к новоязу свидетельствует большое количество публикаций о нем в прессе (например, в еженедельниках "Аргументы и факты", "Итоги" и т.д.), а также в специальной литературе (1; 13).

¹ Для обозначения языка тоталитарного советского общества используются различные термины "деревянный язык" (*lanque de bois*), "язык лжи", "новояз" Е.А. Земская предлагает остановиться на термине "новояз" (калька английского *newspeak*), который получил распространение после перевода на русский язык антиутопии Дж. Оруэлла "1984 год" (6, с. 23) - Прим. авт.

Интерес к языку прошлого, проявляющийся параллельно с интересом к языку настоящего, есть характерная черта переломной эпохи. Контрастность языковых ситуаций позволяет членам языкового коллектива осознать речевой стиль, речевую культуру как "факт эпохи" (термин Ю.М.Лотмана (17, с. 304), и новизна этого факта особенно ощущается именно на переломной фазе развития общества (47, с. 23). Этот процесс носит стремительный характер, в результате чего слишком быстро эволюционирует и язык, что, в свою очередь, может грозить устойчивости и преемственности литературного выражения. Отмечая, что "русский язык (именно язык, а не только индивидуальная речь, даже не только норма) сейчас во многих точках заметно деформируется " (12, с. 219), В.Г.Костомаров не склонен преувеличивать угрозу: "Русский язык не на краю гибели и даже не в кризисе. Он просто приобретает новый облик, что, как показывает история, всегда воспринимается, особенно лицами старшего поколения, как порча привычно-надежного" (там же).

В переломную эпоху существенно изменяется логосфера, т.е. речемыслительная область культуры, или, как пишет А.К.Михальская, "вся огромная область культуры, наполненная словами и идеями" (20, с. 32). Основной составляющей логосферы являются те общие принципы, которые определяют взаимодействие логоса, языка и речи в данном социокультурном пространстве, со свойственными ему критериями оценки языка. Отсюда следует, что с изменением логосферы изменяются и критерии оценки качества речи. Как отмечает В.Е.Гольдин, сегодня структурная правильность русской речи отстывает (может быть, временно): на первый же план выходят признаки функциональности (см. по: 9, с. 42), что обуславливает развитие таких тенденций в эволюции языка, как стилистический динамизм и стилистическая контрастность. Таковую функционализацию речи В.Е.Гольдин оценивает как "проявление здоровых, жизненных сил. Естественно, они формируют свою зону критики "состояния русского языка" (там же).

Одновременно отмечается актуализация еще одного критерия оценки публичной речи - искренности говорящего: "Текст научный должен содержать доказательства своей истинности, но не искренности автора: по отношению к научной речи действует презумпция искренности. Разговорная речь ею не обладает, поэтому в ней естественны "Честное слово! Клянусь! Поверьте! Положа руку на

сердце..." и подобные сигналы искренности. Официальная речь сигналами искренности не пользуется. Почему? Действует ли (действовала ли) здесь своеобразная "презумпция неискренности" или оппозиция по признаку искренности нейтрализуется в ней в связи с известной обезличенностью субъекта официальной речи?" (там же). Актуализация признака искренности как критерия оценки публичной речи объясняется, по-видимому, усилением личностного начала речи, а также стиранием граней между разными коммуникативными сферами (12, с. 33).

Перестройка всей сферы коммуникации есть выражение перемен в логосфере. что, свою очередь, свидетельствует о переменных в общественном сознании данного языкового коллектива. По мнению В.Г.Костомарова, эти изменения определяются новой установкой речевого поведения: "При демократии можно все!" Интересно, однако, что раскрепощенность как черта современного языкового вкуса осуществляется параллельно со стремлением к "вокнижению", к изощренности речи, что выражается прежде всего в широком использовании заимствованной специальной лексики. СМИ вводят в наш обиход новые термины, которые быстро перестают нуждаться в толкованиях ("лизинг", "холдинг", "риэлтор"). Усматривая в этом ориентацию на ценности рыночной экономики, В.Г.Костомаров уточняет, что эта ориентация "питается более глубокими корнями в уставшем от имперско-тоталитарной изоляции обществе, сильнее всего в молодежных слоях. Очень многие люди настроены сейчас не на возмущенно-безапелляционное отвержение иностранщины, а на ее принятие, пусть и не всегда безоговорочное. И в речи американизмы вызывают скорее добродушное посмеивание, чем непримиримое осуждение" (там же, с. 104).

В связи с экспансией иноязычной лексики встает вопрос о способности/неспособности русского языка перерабатывать ее в таком количестве без ущерба для себя, своей системы, т.е. встает вопрос об экологии русского языка (25) (о проблемах эколингвистики; см. также 32). Как указывает В.Г.Костомаров, существует, видимо, некая норма поглощения иностранных слов русским языком, и если она соблюдается, то процесс идет естественно, незаметно. Сегодня она, несомненно, превышена, к тому же заимствованиями из одного источника. Она оказываются чужеродно-однообразным и столь массивным телом, что напоминают опухоль в словарном организме, который не успевает создавать им

противоядие или перерабатывать их, частично осваивать, частично отсеивать. Такая обработка нуждается в сознательном управлении людьми (12, с. 108).

Попытку оказания противодействия перенасыщению русского языка иноязычной лексикой путем целенаправленного востребования лексических единиц, "которые никак не заслуживают преждевременной смерти", так как еще вполне сохранили свою гибкость, а между тем почти забыты, предпринял А.И.Солженицын, выпустив свой "Русский словарь языкового расширения" (27).

Из вышесказанного следует, что проблема состояния русского языка, столь остро ощущаемая его носителями, должна быть уточнена в более профессиональной ее постановке: существует ли сегодня опасность для самой системы русского языка или следует говорить о некоторых негативных процессах в области языковой культуры? Отметим, что непрофессиональные участники бурных дискуссий о языке, как правило, не различают эти два аспекта.

Этой проблеме была посвящена конференция "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики" (Москва, 1991 г.), идея проведения которой принадлежит Н.Ю.Шведовой. В порядке подготовки к этой конференции Ю.Н. Караулов провел своеобразную "дискуссию по почте" с известными лингвистами (не только русистами по специальности). В своем письменном обращении к коллегам Ю.Н.Караулов сформулировал следующие концептуально важные положения:

Бытование русского языка может быть охарактеризовано тремя способами его репрезентации и восемью формами и сферами его существования.

Способы репрезентации суть таковы: текстовый, воплощенный и локализованный в значительной по объему совокупности текстов, в экстремальном случае - во всех текстах на русском языке; системный, представленный в лингвистических описаниях его лексического состава и грамматического строя; сетевой, воплощенный в ассоциативно-вербальной сети, которая в одном из своих вариантов локализована "в голове" (в сознании, в памяти, в мозгу?) каждого носителя русского языка (9, с. 8-9). (О формах и сферах существования русского языка см. ниже.)

Ю.Н. Караулов попросил коллег ответить на вопрос: чем мы не удовлетворены, говоря о состоянии русского языка, — текстами на

нем; структурой и ее описанием; компетенцией носителей, их умением, используя знание языкового строя, производить тексты?

Был также задан вопрос о научной корректности сочетания "состояние русского языка". Многие участники почтовой дискуссии признают правомерность этого термина применительно к диахронической перспективе, но избегают применять его по отношению к современности прежде всего из-за его оценочного характера. Так, например, Е.Н.Ширяев считает более приемлемым синоним "синхронный срез языка", но абсолютно точным и необходимым ему представляется словосочетание "состояние культуры владения языком" (см. по: 9, с. 64). Именно это подчеркивали большинство участников конференции, указывая, что у нас очень плохое, просто катастрофическое состояние речевой культуры, о чем свидетельствует прежде всего трансляция заседаний съездов... наши газеты, произведения многих писателей, речь учителей русского языка и литературы и их исправления письменных работ школьников. Очевидно, что необходимо серьезное вмешательство в речевую культуру общества (специальные курсы для депутатов, штрафы для ошибающихся дикторов радио и телевидения. Квалификационные собеседования для учителей и т.д.), пишет О.Б.Сиротинина (там же, с. 53)

Дестабилизированная норма, в свою очередь, вызывает ощущение хаоса в системе языка, что на самом деле является реализацией защитных сил языкового организма (26, с. 262-263; 44, с. 232; 30). Наиболее интенсивно это проявляется в словообразовательной избыточности и неумеренных лексических перемещениях от периферии к центру. Отметим, что последнее оценивается многими авторами как особенно наглядное проявление динамики языка (9, с. 230; 45; 29). При этом в русскоязычной коммуникации общество склонно сегодня выбирать "не привычно центральное, а периферийное — незапятнанное, так сказать, минимально связанное, неассоциируемое с недавним прошлым. Из двух возможностей обязательно выбирается то, что как бы забыто", — пишет В.Г.Костомаров (12, с. 38).

Из вышесказанного следует, что из всех форм и сфер¹ существования русского языка речевая норма дестабилизирована

¹ Ю.Н.Караулов называет следующие формы и сферы существования русского языка 1) мертвый язык памятников письменности, 2) устный язык русских народных говоров, диалектный язык, 3) письменный язык литературы, прессы, государственной,

прежде всего в тех из них, в которых особенно ярко проявляется стремление к обновлению ассоциативно-вербальной сети, сформировавшейся под влиянием текстов определенной идеологической направленности, — письменном языке прессы и повседневном разговорном языке.

По мнению Ю.Д. Апресяна, реализация этого стремления предъявляет высокие требования к коммуникативной компетенции говорящих (см. по: 9, с. 21), в которой исследователь выделяет два уровня 1) поверхностно-языковой, отражающий какие-то микропроцессы в ассоциативно-вербальной сети, — сдвиги в семантических связях слов, в их сочетаемости, управлении, даже категориальном оформлении, т.е. изменения, которые не приобрели еще системного статуса, хотя осознаются уже носителями языка и могут подвергаться языковой критике; 2) когнитивно-прагматический уровень, отражающий концептуальную модель конкретной ситуации, коммуникативную интенцию говорящего, степень его искренности и т.д.

В качестве наиболее частотного типа изменений на уровне ассоциативно-вербальной сети могут быть названы прежде всего переосмысления, сдвиги в семантике и стилистических характеристиках слов, поскольку они "наиболее прямолинейно, иной раз зеркально отражают происходящее в обществе, возникающие и уходящие потребности коммуникации, речевые вкусы, новое языковое чутье" (12, с. 109). Причиной семантико-оценочного пересмотра единиц политической лексики является уход от классового принципа понимания социального устройства. Поэтому как бы обменялись местами в оценочно-идейном плане понятия "атеист"/"верующий", "коммунист"/"социал-демократ", "верный ленинец"/"диссидент", "пионер"/"бойскаут" и т.д.

Сходные по существу понятия меняют свой словесный облик, подчеркивая переход в принципиально новую понятийно-идеологическую систему. Так, слово "соборность" заменяет "коллективизм", утрачивая свойственную людям советского воспитания ассоциацию со словом "собор", с названием церкви. Не

документации, 4) повседневный разговорный язык и просторечие, 5) научно-технический и профессиональный язык, 6) русский язык в машинной (электронно-вычислительной среде), 7) неисконная русская речь как совокупность устных и письменных текстов, произведенных людьми, для которых русский язык не является родным, 8) язык русского зарубежья (9, с. 9).

случайно читательница газеты "Правда" задает вопрос: "В одной из телевизионных передач услышала слово "соборность", хотя речь шла не о религии, а об охране природы. Как это понять?" Газета объясняли в своем ответе, что соборность в русской религиозной философии означает свободное единение людей на основе любви друг к другу и к Богу. В современном языке под соборностью все чаще понимают добровольное объединение усилий для достижения каких-либо жизненно важных целей (12,с.110-111).

Итак, ассоциативно-вербальная сеть носителей современного русского языка находится в состоянии дестабилизации, что снижает уровень их коммуникативной компетенции и, следовательно, отрицательно сказывается на качестве порождаемых ими устных и письменных текстов, т.е. проявляется в уровне речевой культуры общества. Этот уровень, в свою очередь, определяется относительным весом различных типов владения языком, считает Ю.Д.Апресян (см по: 9, с. 38). Он называет следующие типы: 1) высокое искусство слова, представленное в первоклассной художественной литературе; здесь — неиссякаемый источник реального обогащения языка, 2) хорошее ремесленное владение языком, представленное в текстах, написанных высокопрофессиональными журналистами, и в профессионально выполненных переводах; здесь - источник пополнения языка добротными штампами; 3) интеллигентное владение языком, который используется в среде образованных людей, здесь - необходимое для блага всякого языка консервативное начало;

4) полуобразованное владение языком в сочетании с плохим владением мыслью и логикой; оно определяется, с одной стороны, родовой привязанностью к идеологическим штампам и просторечию, а с другой — комплексом речевой неполноценности, который приводит к беспомощной имитации культурной речи; этот тип владения языком представляет собой самое разрушительное начало, поскольку состоит из химер - синтаксических, лексических, семантических и даже морфологических; 5) городское просторечие, молодежные жаргоны, язык прибалтийских слоев общества Ю.Д.Апресян читает, что в этом типе владения языком есть как деструктивное начало (особенно в американизированном молодежном сленге), так и креативные элементы, которые он, пользуясь именно этими элементами, называет "крутой образностью" (там же).

Учитывая особую активность сегодня последних двух типов владения речью, не приходится удивляться очевидному снижению уровня культуры речи, "павшей жертвой сокрушительного натиска "образованщины" (9, с. 38). Профессионально неподготовленная "широкая общественность" квалифицирует это как "распад языка", сопровождающий распад экономики, экологии, нравственности. Специалисты же уточняют, что падение культуры произошло не сейчас, а за предшествующие 70 лет идеологического насилия над культурой: сейчас оно только проявилось в пугающем объеме (ср. 9, с. 38, 64).

"Образованщина" - это феномен, в значительной степени, порожденный СМИ, которые нередко создают опасную иллюзию легкости приобретения культурного багажа (12, с. 31). Следует отметить, что подобная ситуация складывается не только в странах, переживающих переломный этап в своем социально-политическом развитии, но и в достаточно стабильных. "Образованщина" проявляется, в частности, в том, с какой легкостью и самоуверенностью подчас судят о языке журналисты. А.Трабольш пишет в своей книге "Языковая политика, языковая критика и общественность: требования к языковой способности человека, гражданина общества" (49, с. 19), что, поскольку в дискуссии о языке, к сожалению, крайне редко бывает представлена точка зрения лингвистов-профессионалов, общественное мнение формируется преимущественно журналистами, ошибочно полагающими, что использование какого-либо средства связи, в данном случае языка, само по себе предполагает его осознание. Вместо лингвистических обоснованных оценок использования языка журналисты чаще всего публикуют свои собственные впечатления и мнения по дискуссионным вопросам. Читатели ориентируются на эти мнения, размноженные массовыми тиражами, и организуют в соответствии с ними свою жизнь. Таким образом, СМИ, формируя мнение читателей/слушателей, вмешивается в их жизнь (ср. также 37, с. 96).

Сейчас особую опасность в плане развития языковой ситуации в России представляет собой усугубляющаяся пропасть между хорошим и плохим языком. Дело в том, что хороший и совершенствующийся язык, с одной стороны, и плохой, деградирующий — с другой, существуют параллельно, и первый не влияет на второй, отмечает Е.Н.Ширяев (см. по: 9, с. 64). Если учесть, что между языком и культурой существует тесная взаимозависимость,

то есть основания говорить об усугубляющейся поляризации общества не только в социально-экономической, но и в культурной сфере, что, в свою очередь, никак не способствует стабилизации ситуации в обществе.

В.Г.Костомаров указывает на появление нового важного фактора в жизни страны, интенсивно влияющего на состояние русского языка: на первый план выдвигается культура влиятельных слоев — "новых русских", которая, хотя и приемлется далеко не всеми, но, будучи щедро финансируема, оказывает сильное воздействие на развитие культурной ситуации в России. "И вряд ли это пройдет бесследно для русской культуры в целом, как не прошло для нее бесследно насаждавшееся чуть ли не целое столетие известное разделение национальной культуры на две культуры", — считает В.Г.Костомаров (12, с. 220). Снижение же морального и этического стандарта в обществе проявляется прежде всего в снижении уровня языковой культуры, подчеркивает Л. К. Граудина (2, с. 40).

Взаимосвязь нравственно-этического климата в обществе и его языковой культуры подчеркивают многие участники дискуссии о языке. Тревога за состояние русского языка связывается с тревогой за состояние общества в целом, более того, "в форме критики состояния русской речи выступает сейчас, прежде всего критика общества... Эта "лингвистическая критика" (лингвистическая социология) поддерживает в обществе процесс самопознания, но, к сожалению, пока мало опирается на специальный анализ и отливается, в основном, в публицистические формы", — констатирует В.Е.Гольдин (см. по: 9, с. 42; ср. также 49).

Заинтересованность широкой общественности в языковой жизни, возможность высказать свое мнение по этим вопросам - это, безусловно, одна из важнейших характеристик демократического общества. В этих условиях существенно возрастает роль языковой критики, т.е. интерпретации текстов, основанной на анализе. Целью языковой критики является просвещение общества (49, с. 26) и формирование у говорящих навыка осознанного использования языка (*reflektierter Sprachgebrauch*). Таким образом, языковая критика может быть определена как раздел прикладной лингвистики, направленный на культивирование языка прежде всего в сфере общественной жизни (51, с. 6), для чего необходимо поднимать уровень языковой компетенции и развивать чувство языка (43, с. 12). Развитое чувство родного языка проявляется не только в отсутствии в

речи грамматических ошибок (28), но и в построении устных и письменных текстов, адекватных ситуации и коммуникативной задаче, а также в их соответствующем стилистическом оформлении (50, с. 17). Это позволит говорящему/пишущему быть на уровне коммуникативных требований развитого демократического общества. Из этого следует, что реализация задач языковой критики не есть область действия исключительно профессиональных лингвистов: она должна осуществляться всеми носителями языка, подчеркивает Р.Шнеррер, но подготавливаться именно специалистами в области языка (46, с. 33). Для этого специалисты должны иметь адекватное представление о повседневной языковой жизни общества, т.е. постоянно проводить исследования *native speakers*. В российской русистике в этом плане сложилась неудовлетворительная ситуация:

текущей языковой жизнью русистика занималась далеко не достаточно. Исследователи всегда ориентировались на лучшие образцы речи и старались избегать отрицательного языкового материала. Причину такого равнодушия к повседневной языковой жизни Ю.Н.Караулов видит в марксистской идеологии, в ее отечественном ортодоксальном варианте, "приучившей нас не придавать никакого значения отдельному человеку-винтику в громадной машине функционирующего общества, научившей нас пренебрегать условиями проведения и содержательным наполнением индивидуальной минут нашей повседневной жизни, из которых, по сути дела, и складывается не только наша (т.е. "языковых миноритетов") индивидуальная история, но и История с большой буквы. История общества, а значит, и история языка" (9, с. 31).

Большая заслуга в разрушении этой стены равнодушия к рядовому носителю русского языка принадлежит отечественным "разговорникам", т.е. специалистом по русской разговорной речи Е.А.Замской (6), О.А.Лаптевой (14), Г.Г.Инфантовой (7), О. Б.Сиротининой (24) и др., создавшим около 20 лет тому назад новое научное направление. Статистически нашу текущую языковую жизнь составляет именно обыкновенный *native speaker*. "И ставя сегодня вопрос о состоянии русского языка, о состоянии текущей языковой жизни общества, мы должны прежде всего думать и говорить о нем, о среднем носителе русского языка, который является средоточием всех его нынешних плюсов и минусов, целью и смыслом нашей просветительно-образовательной деятельности, объектом многочисленных разнонаправленных, частично деформирующих,

частично развивающих русский язык воздействий (прежде всего со стороны средств массовой информации), но одновременно и активным субъектом, творцом современного русского языка", считает Ю.Н.Караулов (9, с. 4).

В связи с этим Г.А.Хабургаев призывал представителей теоретического языкознания осознать, что оно имеет дело не с одним, а с двумя онтологически неоднородными (хотя исторически и взаимосвязанными) объектами изучения и описания — со звучащим языком как средством повседневного общения, который всегда соответствует уровню развития общества, и с литературным языком, возникающим на базе письменности и обеспечивающим преемственность культурной традиции (см. по: 9, с. 59). Сложность ситуации, в которой находится лингвист, изучающий современный ему язык, характеризует Е.С.Клопова (10, с. 70). С одной стороны, он подходит к нарушениям в речи как к объекту изучения (и в этом смысле он плохой борец за чистоту и правильность речи). С другой стороны, ему приходится вступать на путь массового лингвистического просвещения. Последнее — крайне трудная работа, так как языковая неграмотность в обществе приобрела громадные размеры (наряду с не меньшим интересом к языку. — Н.Т. В этой ситуации необходимо разъяснение сути лингвистики как науки.

В "бытовом сознании масс" лингвистика часто не отделяется от самого языка как объекта исследования, а лингвисты воспринимаются как созидающие, строящие язык, а то и сознательно усложняющие его. Поэтому совершенно прав Г.А.Хабургаев, считавший, что социальная задача лингвистики и лингвистов состоит в организации широкого "ликбеза" в области языкознания, а не только культуры речи, которая останется механическим набором изолированных друг от друга сведений, пока в сознании каждого носителя языка не сформируются четкие представления о том, что такое язык, из чего он состоит, как он живет и развивается (см. по: 9, с. 59).

Хотелось бы, однако, отметить важную роль, которую культура речи может играть в лингвистическом просвещении общественности, если к этим вопросам подходить не с абстрактных позиций структурной правильности речи, а помня о том, что современный человек живет в новой речевой среде. Нередко то, что считается "порчей языка", является "подгонкой его к новым условиям, а такая подгонка идет всегда, пока существует язык" (9, с. 41).

Демократизирующееся в ускоренные сроки общество допускает неистовую либерализацию языка, крайностям которой должны противостоять усилия научной филологической общественности, организующей лингвистическое просвещение широкой общественности, тем более, что последняя проявляет активный интерес к процессам, протекающим в современном языке. История свидетельствует, что развитие любого национального литературного языка проходит этапы либерализации и консервации, в смене которых и достигается сбалансированное его обновление.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (Материалы к словарю) - М., 1991 - 193 с.
2. Граудина Л. К. На перекрестке мнений // Русская речь — М., 1995 — № 5 — С. 39-44.
3. Григорьев В. П. Культура языка и культура речи//Культура русской речи. Тез. I Всесоюзн. Науч. Конф. Звенигород, 19-21 марта 1990 - М., 1990 - С. 41-43.
4. Дмитриев А. В. Социология юмора. Очерки - М., 1996 — 214с.
5. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопр. Языкознания - М., 1996 -№ 3 -С. 23-31.
6. Земская С. Л. Русская разговорная речь. - М., 1968 - 237 с.
7. Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису русской разговорной речи — Ростов-на-Дону, 1973 - 135с.
8. Караулов Ю. Н. Великий могучий многострадальный//Неделя - М., 1989 — №40 -С. 14- 15.
9. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Докл. На конф. "Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики" и материалы почтовой дискуссии. - М., 1991 — 66 с. 10. Клопова С. С. Речевая практика общества и "бытовое сознание" // Культура русской речи. Тез. I Всесоюзн. Науч. Конф. Звенигород, 19-21 марта 1990 - М., 1990 -с. 69-70.
11. Костомаров В. Г. Мой гении, мой язык Размышления языковеда в связи с общественными дискуссиями о языке - М, 1991 — 64 с.
12. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа - М., 1994 - 246с.
13. Купина Н. А. Тоталитарный язык - Екатеринбург, Пермь, 1995 - 143 с.
14. Лагпеева О.А. Русский разговорный синтаксис —М.,1976 - 399с.
15. Лаптева О. А. Слушаем радио и телевизор // Русская речь — М., 1996 — № 4 — С. 54-12.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. Ярцева В Н — М, 1990 -683с.
17. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера -история - М., 1996 -464с.
18. Мазурова А. Радзиховский Л. Стеб острания//Знание —

сила — М, 1991 — № 3. - С.65-70.

19. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: 2-е изд-е, испр. — М., 1996. — 206 с.
20. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. - М., 1996. - 192 с.
21. Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. - М., 1982. - 149с.
22. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. Ред. Земская Е.А. - М., 1996. - 480 с.
23. Сивкова В. Почему чиновники говорят непонятно // Аргументы и факты. - М., 1998.-№23.-С. 2.
24. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. - М., 1974. — 144с.
25. Скворцов Л.Н. Культура языка и экология слова // Рус. Речь. — М., 1998. - № 4. -С. 3-9.
26. Скляревская Г.Н. Состояние современного русского языка: Взгляд лексикографа... // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. - М., 1991. - Т. 1. - 87-89.
27. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. - М., 1990. — 272 с.
28. Тиндо И. Шесть метров языка//Журналист. — М., 1990. — № 6. - С. 55-56.
29. Трошина Н.Н. Проблемы культуры языка в исследованиях Юргена Шарнхорста. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ. - М., 1996. - № 2. - С. 149-154.
30. Трошина Н.Н. Проблемы прагмалингвистики в исследованиях Ренаты Ратмайр. (Обзор)//Там же.-1994.-№10.-С. 14-19.
31. Трошина Н.Н. Реформа немецкой орфографии. (Обзор) //Там же. — 1998. - № 4. -С.100-121.
32. Трошина Н.Н. Филл А. Проблемы экологической лингвистики. (Обзор) // Там же. - 1977. - № 3. - С. 41-57.
33. Ducken J. Sprachkultur als Gegenstand öffentlichen Interesses // Sprachwissenschaft und Sprachkultur. - Frankfurt a. M. Etc., 1991. - S. 67-76.
34. Fix U. Beitrage zur Entwicklung der Sprachkultur // Sprachpflege. - Leipzig, 1984. -Jg.33,H. 11.- S.160-163.
35. Fix U. Das Ästhetische als Eigenschaft nichtpoetischer Texte // Textlinquistik. - Dresden, 1986. - S. 93-99.
36. Fix U. Sprachkultur - Kommunikationskultur, Kenntnisse, Bedürfnisse, Einstellungen // Linguistische Studien, R. A. - B., 1991. - H. 209. - S. 13-27.
37. Hoberg R. Metaspachliche Normen in den Massenmedien // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung 1980: Der öffentliche Sprachgebrauch. - Darmstadt, 1980. - Bd. 1.-S. 90-97.
38. Lang O. Sprachkultur und politische Kommunikation // Sprachwissenschaft und Sprachkultur. - Frankfurt a. M. Etc., 1991. - S. 51-58.
39. Lamelle F. Une biographie de l'homme ordinaire: Des autontcs et des minorites. — P., 1985.-224 p.
40. Lerchner G. Stand, Aufgaben und Probleme der Fntwicklung einer sozialistischen Sprachkultur in der DDR // Wissenschaftlicht Ztschr. der Technischen Univ. Dresden. -Dresden, 1977.-Jg. 26, H. 5.- S. 817-821.
41. Lerchner G. Stellen sprachliche Kreativität und Asthetizitat handhabbare Bewertungskriterien für Sprachkultur dar? // Linguistische Studien,R. A.-B., 1987. -

H. 170.-S. 45-59.